

**ЛЮДНОСТЬ РАБОЧИХ ИЗ БЫВШИХ МАСТЕРОВЫХ КАБИНЕТА АЛТАЙСКОГО ОКРУГА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В. Н. Фаронов

**POPULATION SIZE OF ALTAI DISTRICT WORKERS FROM THE FORMER ARTISAN CABINET
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY**

V. N. Faronov

Перемены, вызванные модернизацией, затронули все слои общества и практически все стороны его жизни. Не в последнюю очередь это коснулось и института семьи. Формирующийся рабочий класс оказался в авангарде этого процесса. Перемены были обусловлены новыми требованиями, задаваемыми жизнью индустриализирующегося общества. Одной из таких перемен стало почти всеобщее снижение людности семьи рабочих, в том числе и в Западной Сибири. Если относительно большинства исследованных групп рабочих причины уменьшения людности семьи не вызывают сомнений, то отдельные группы выпадают из этого ряда и требуют дополнительного исследования. Одной из таких групп являлись рабочие Алтайского округа из бывших мастеровых Кабинета. Людность семей рабочих из бывших мастеровых находилась примерно на одном уровне с прочими рабочими. Но, на наш взгляд, причины у этой внешней схожести различны. В первом случае мы имеем дело с последствиями прежнего доиндустриального внеэкономического способа эксплуатации мастеровых Кабинета, во многом схожим со способом эксплуатации крепостных крестьян. Такое положение дел не способствовало росту людности семьи еще в доиндустриальное время и поэтому процесс модернизации не мог быть причиной низкой людности семей у этой категории рабочих.

Changes caused by modernization affected all sectors of society and almost all aspects of its life. Last but not least, the institution of the family was affected as well. The emerging working class was in the vanguard of this process. The changes were due to new requirements defined by the life in the industrialized society. One of these changes was almost universal decrease in the size of workers' families, including those in Western Siberia. For the relative majority of the studied groups of workers, the reasons for this change are obvious, while some other groups require further study. One of such groups is the Altai district workers of the former artisan Cabinet.

Population size of former artisans' families was about on par with other workers. But the authors believe that the reasons for this obvious similarity were different. In the first case we are dealing with the consequences of the previous pre-industrial non-economic method of exploiting the Cabinet artisans, in much the same way as the serfs. This situation was not conducive to the growth of family size since the pre-industrial times, and therefore, the process of modernization could not be the cause of low family size in this category of workers.

Ключевые слова: рабочие, демография, модернизация, семья, мотивация.

Keywords: workers, demographics, modernization, family, motivation.

Модернизационные процессы стали причиной кардинальных перемен практически во всем спектре социального бытия. Не в последнюю очередь это касалось и демографических изменений. Но далеко не всегда процессы, наблюдаемые в эпоху становления модерна, имеют в нем же причину. Иногда внешне схожие по форме явления разнятся по своей сути. Это может касаться и параллельно протекающих внешне схожих демографических процессов, но имеющих различные причины и, соответственно, закономерности своего развития. Об одном из таких явлений и пойдет речь в данной статье.

Здесь мы рассмотрим показатель людности семей («людность» – основной количественный показатель, устанавливающий среднее число людей на семью в изучаемой социальной группе) рабочих из бывших мастеровых Кабинета, величина которого, на наш взгляд, стала следствием иных причин, не связанных напрямую с модернизационными процессами, которые, напротив, оказали большое влияние на демографические изменения в других исследованных группах рабочих Западной Сибири.

Статья основана на материалах архивов Санкт-Петербурга и Барнаула, периодики, фольклора и исследовательской литературы. Методологической базой исследования является теория модернизации. Значительная роль в нем уделяется субъективному фактору, влияющему на демографический процесс. Объектом исследования является семья рабочих Кабинета из бывших мастеровых конца XIX – начала XX в. Предметом исследования является людность рабочей семьи.

В задачу исследования входит изучение и обоснование причины низкой людности семей рабочих из бывших мастеровых Алтайского округа, которая, на наш взгляд, не совпадает с причиной подобного же показателя людности у других категорий рабочих Западной Сибири. Отметим, что в данной статье обосновывается лишь гипотеза, нуждающаяся в дальнейшем исследовании.

В ходе анализа демографии рабочей семьи Западной Сибири был установлен довольно низкий показатель людности семей у всех исследованных групп. Так, в 1894 – 1915 гг. средняя людность семей у исследованных групп рабочих равнялась 3,1 – 4,2 чел.

на семью. Этот показатель варьировался в основном в пределах 3,1 – 3,8 чел. на семью, лишь в одном случае поднимаясь до 4,2. Среднее арифметическое показателя в этот период составляло 3,6 чел. на семью. Немногим выше показатели средней людности наблюдались у мещан и живущих в городе крестьян, т. е. у социальных слоев, являвшихся основным источником кадров рабочего класса [15, с. 239 – 248].

Снижение людности семьи, безусловно, стало следствием модернизационных процессов, меняющих коренным образом демографическое поведение населения. Так, например, в связи со значительным уменьшением роли домашнего хозяйства отпала необходимость в многодетности, а также и в сосуществовании под одной крышей членов семьи различных поколений (основой становится семья из одного – двух поколений). Однако необходимо отдельно оговорить показатель низкой людности в семьях рабочих из бывших мастеровых. Так, в семьях рабочих кабинетских заводов, согласно материалам 1894 – 1895 гг., средняя людность составляла 3,4 человека на семью [14], а в семьях рабочих кабинетских заводов, приисков и рудников согласно материалам 1909 – 1913 гг. этот показатель равнялся 3,7 чел. на семью [4]. Таким образом он не слишком изменился за десять с небольшим лет. Схожие результаты наблюдались у исследованной группы томских рабочих в 1901 г. – 3,8 чел. на семью, чуть ниже у группы барнаульских рабочих в 1914 г. – 3,1 и чуть выше у группы рабочих из Тобольска в 1915 г. – 4,2.

Однако, несмотря на схожесть показателей, причины, приведшие к относительно низкой людности у исследованных групп рабочих, следует признать различными. Если снижение людности основной массы рабочих закономерно происходит из модернизационных процессов, происходивших в Сибири на рубеже веков, то по отношению к рабочим из бывших мастеровых Алтайского округа мы не можем утверждать подобного. Дело в том, что в среде мастеровых относительно низкая людность семей наблюдалась и ранее. Так, по подсчетам Н. В. Никишиной, средняя людность семей мастеровых Алтая составляла в XVIII – первой половине XIX в. 4,1 – 3,9 чел. (т. е. людность уменьшалась) [11, с. 54, 65]. Таким образом, мы видим столь же низкую людность семей мастеровых в доиндустриальную эпоху. Для сравнения укажем на то, что людность крестьянского двора Западной Сибири в XVIII в. составляла 6,5 – 8,2 чел. [2, с. 73]. Отсюда можно сделать вывод о том, что показатель низкой людности семьи у мастеровых и в дальнейшем, скорее всего, не был связан с индустриализацией региона, но являлся традиционно низким.

Причины низкого показателя людности, на наш взгляд, заключались в подневольном положении мастеровых, которое крайне отрицательно сказывалось на их семейной демографии. Об этом, в частности, писал в 1830-е гг. начальник Штаба Корпуса горных инженеров В. Г. Чевкин: «Положение мастерового населения столь стеснено, что самое благосостояние заводов требует неминуемо некоторого улучшения их содержания... в течение 18 лет, протекших между 7 и

8 переписями, алтайское мастерское народонаселение, живущее в одной из стран России самых благодатных, едва увеличилось на 5 %, когда соседние им крестьяне заводские... получили приращение гораздо большее» [11, с. 61]. Это предположение подтверждает и факт низкой людности в семьях мастеровых из старообрядцев – 3,1 чел., которые в целом отличались своей многочисленностью [11, с. 62].

Но что же оказывало непосредственное отрицательное влияние на данный показатель? Прежде всего, психологическая составляющая. Подавленность человека, как и социальной группы, не способствует развитию личности, появлению требований более-менее сносного жизненного стандарта, уважительного к себе отношения, нормальной семейной жизни. Это относилось не только к рабочим из бывших мастеровых. Например, в описании довольно неплохих жилищных условий рабочих Барнаульского винного склада можно прочесть следующее: «Кругом каждого дома кучи наэма, грязи и всякой мерзости, издающей смрад и зловоние. Все усилия администрации отучить рабочих от содержания своих дворов в таком виде ни к чему до сих пор не вели» [16, с. 46 – 47]. Или другой пример: так, относительно тяжелейших условий проживания рабочих на приисках, В. П. Зиновьев приходит к выводу, что основной причиной этого являлся низкий уровень притязаний самих рабочих, преимущественно выходцев из деревни, готовых жить в самых нечеловеческих условиях [5, с. 29 – 30]. Насколько же хуже должны были обстоять дела у потомков подневольных кабинетских мастеровых!

Вот, например, свидетельство о семейной жизни риддерских рабочих М. Швецово 1890-х гг.: «Еще заметнее влияние того же прошлого отражается в грубости нравов, не исчезшей до сих пор. В течение нескольких поколений проводя половину жизни в работе под землей; не имея права распоряжаться собой самостоятельно в свободное от казенной работы время, так как и в часы отдыха он (*рабочий – В. Ф.*) обязан был заниматься своим хозяйством по приказанию начальства; живя под постоянным страхом наказания за каждый даже самый ничтожный проступок, а иногда и без всякого проступка, не будучи уверен, что завтра же его не переведут куда-нибудь за тридевять земель и придется бросить все и сызнова обзаводиться и семьей и хозяйством – под давлением всего этого горнорабочий переставал ценить жизнь и заботиться об ее удобствах, становился угрюмым и суровым в отношениях к другим и начинал сам теснить и наказывать кого мог, прежде всего, своих домашних, находящихся в полной зависимости от него. Поэтому и грубость нравов риддерских обывателей с особенной силой сказывается в семейных отношениях» [17, с. 10]. Все это выливалось в бесконечные семейные конфликты: муж открыто тиранил жену, та, в свою очередь, изощрялась с помощью хитрости как можно сильнее отомстить мужу и оба, будучи родителями, срывали свою злость на детях. «Вообще, – пишет М. Швецова, – отношения супругов между собой и родителей к детям, часто прямо поражают зверской жестокостью» [17, с. 12]. Автор отмечает то, что, ко-

нечно же, не все наблюдаемые ею семьи риддерских рабочих отличались подобными внутрисемейными отношениями. Были и примеры совершенно иных взаимоотношений. Но все же большинство семей жили именно в гнетущей обстановки озлобленности и конфликта.

Не менее ярко об угнетенном положении мастеровых свидетельствует фольклор. Приведем только один показательный для нашей темы пример: «В последнее время обязательного труда стало рабочим невтерпех. Управляющий любитель был до чужих жен. Если красивая – значит ему. Прикажет мужу, что бы привел, и все тут. Потом она ребенка родит, он ее с ребенком отсылает обратно...» [10, с. 111 – 112]. Ну, а если нет, то оставалось только принять мученическую смерть: «Первый пристав Набоков жен красивых у рабочих брал. Одного вызвали в контору (он только женился). – Приведи жену! Он домой прибежит, ей рассказывает. Она – в слезы. – Не пойду! Приставу докладывают: не пошла, дескать, баба-то. Как не пошла?! Всыпать ему двадцать пять за то, что жену не прислал! Всыпали. Жена ему простоквашей спину мажет, плачет, а все же к приставу не идет. Он и говорит жене: – Ну, Марфуша, значит судьба наша такая. Готовь мне смертную рубашку. Задерут... За такое непочтение назначили семьдесят пять. Унесли на попоне домой мертвого. И жена вскоре померла – с горя и с голоду. А к приставу не пошла. А другая полтора года у Набокова жила. Родила ребенка – он ее к мужу обратно прислал с ребенком-то. За это время мужа ни разу не драли, а тут опять стали драть» [10, с. 126 – 127].

Конечно, в рассматриваемый нами период подобное практиковалось лишь в исключительных случаях, но выработанный веками унижений строй психики сменить было сложно, если вообще возможно. Этот вывод подтверждает, например, рапорт управляющего Кольчугинской копи от 22 января 1893 г., в котором он описывает методы выражения протеста рабочими: «выбивание окон в доме управляющего, приклеивание к дверям самой отборной площадной брани, различные доносы по начальству»; и далее, на наш взгляд, совершенно справедливо уверяет, что ненависть рабочих к начальству является остатком «озлобленности, какую таили в себе рабочие еще во времена крепостного права; это – запоздалая месть за те жестокости, которым подвергались рабочие в минувшее, но еще далеко не забытое время... Старики, испытавшие всю тяжесть крепостного труда, еще живы и передают детям свою ненависть к начальству как к безжалостным притеснителям» [3]. Едва ли этот менталитет существенно изменился за последующее десятилетие. Ведь даже в советской историографии утверждалось, что бывшие мастеровые Кабинета «представляли собой скорее типичных мануфактурных работников, нежели фабрично-заводских: полуграмотных, с узким техническим кругозором, с замкнутым, патриархальным, полукрестьянским устоем жизни, которая в глухих селениях, оторванных от культурных и общественных центров сотнями верст, как бы остановилась в своем развитии» [12, с. 75].

Такая ситуация не могла породить активной жизненной позиции, стремления переустроить свою жизнь к лучшему, что было присуще массам промышленного пролетариата. Напротив, следствием становились пассивность, пессимизм, апатия и иные негативные психологические явления [18]. В этой связи интересным представляется свидетельство одного из авторов начала XX в. об истинном, с его точки зрения, мировоззрении низов сибирского общества, заключающемся «во всепроникающей вере в Бога-рок, в Бога-судьбу... Этот рок бьет нас, здесь, в этих темных норах – часто, метко и сильно. Иногда он и поддерживает сильных, прочных и энергических питомцев низов; погибают в грязи, в смраде сотни – на одного вышедшего на “вольный воздух”. И вера в божественный рок сильна и искренна у нас; погибающим дает она суровое утешение сознания предопределенной неизбежности, могучим людям, что идут “напролом”, дает она же прочную уверенность в том, что им “Сам” очевидно помогает» [1, с. 71 – 72].

Одним из следствий всего вышеотмеченного и стала низкая людность семей мастеровых, не имевших, по-видимому, сильной мотивации к воспроизводству себе подобных и их дальнейшей социализации. Отметим и то, что такого рода явление не было уникальным для России XVIII – первой половины XIX в. Еще В. О. Ключевский так определил ситуацию: «Известно, что труд подневольный... убивает энергию, ослабляет предприимчивость, возвращает нравы и даже портит расу физически. В последние десятилетия перед освобождением крестьян у нас стал прекращаться естественный прирост крепостного населения, т. е. начинала вымирать целая половина сельской России» [7, с. 24]. Действительно, доля помещичьего крестьянства в общем населении страны неизменно сокращалась с началом XIX в.: в 1796 г. – 53,9 %, в 1811 г. – 51,7 %, в 1833 г. – 44,9 %, в 1857 г. – 39,2 %, а с 1830-х гг. полностью прекратился рост его абсолютной численности [9, с. 188]. Наиболее отрицательно это сказалось на приросте населения Центрально-промышленного района России, имевшего самую высокую долю крепостного населения, где с 1719 по 1857 гг. наблюдался самый низкий среднегодовой прирост, составлявший 0,38 %, в то же время по России он в среднем равнялся – 0,81 % [6, с. 16]. Отметим также присутствие низкого показателя средней людности семьи и среди рабочих Урала, бывших прежде тоже подневольными, где в 1899 – 1900 гг. он составил в одной исследованной группе 3,1 чел. на семью [13]. С этими данными согласуются и выводы В. Ю. Крупянской и Н. С. Полищук: «Среди старожильского населения Нижнего Тагила... решительно преобладала так называемая “малая семья”, состоявшая из двух (супруги и их неженатые, незамужние дети) либо из трех поколений (то есть супруги и их женатый сын с детьми или супруги с детьми и одним женатым сыном). Такая структура семьи стала устойчивой традицией, характерной для всего последующего времени» [8, с. 45 – 46].

Таким образом, показатель людности рабочей семьи Западной Сибири конца XIX – начала XX в. в

целом был низким. Однако причины этого могли быть различными у разных категорий рабочих. Например, можно вполне обоснованно предположить, что подневольное правовое положение алтайских мастеровых и все вытекающие из этого последствия стали главными причинами низкой плотности их семей. Величи-

на этого показателя в семьях бывших мастеровых начала XX в. являлась в таком случае не результатом модернизации сибирского общества, а пережитком внеэкономической зависимости этой категории населения от Кабинета.

Литература

1. Алтайский Б. В царстве черняди // Сибирские вопросы. 1906. № 6.
2. Борисенко М. В. Семья и двор русских крестьян Западной Сибири конца XVI – середины XIX в. СПб., 1998.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 127.
4. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050 – 1052. 1056 – 1061, 1063, 1063, 1065, 1067, 1069 – 1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100 – 1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.
5. Зиновьев В. П. Жилищно-бытовое положение семей горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Рабочая семья Сибири. Барнаул, 2012.
6. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России XVIII – первой половины XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971.
7. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Книга первая. Минск; М., 2000.
8. Крупянская В. Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб. Т. 1. 1999.
10. Мисюрев, А. А. Легенды и были: фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. Новосибирск, 1940.
11. Никишина Н. В. Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XVIII – первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.
12. Плотников А. Е. О социальном облике сибирских рабочих пореформенного периода // Экономические и социальные проблемы истории Сибири: материалы научной конференции, посвященной 400-летию присоединения Сибири к России. Томск. 1984.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 74. Д. 474, 493.
14. РГИА. Ф. 768. Оп. 23. Д. 1063.
15. Фаронов В. Н. Становление малой семьи у рабочих Западной Сибири в конце XIX – начала XX в. // Известия АлтГУ. 2014. № 4–1(84)
16. Шамина Л. Школа Диониса. История Барнаульского ликероводочного завода за сто лет, воссозданная по официальным документам, архивным источникам, в цифрах, событиях, фактах, с привлечением живых описаний, воспоминаний и свидетельств тех, кто связал с заводом свою судьбу. 1899 – 1999. Барнаул, 1999.
17. Швецова М. Из поездки в Риддегерский край. Омск, 1898.
18. Яковенко И. Г., Музыкантский А. И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2010.

Информация об авторе:

Фаронов Вячеслав Николаевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (АлтГУ), faronoff-vn@mail.ru.

Vyacheslav N. Faronov – Candidate of History, Altai State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2015 г.